

Екатерине
Максимовой — 65,
и она этого не скрывает

Фрагменты ее биографии

Светлана НАБОРЩИКОВА

Екатерина Сергеевна сама сделала себе юбилейный подарок — автобиографическую книгу «Мадам «Нет». Так Максиму (не путать с «мадемуазель «Нет» — Сильви Гиллем) назвал французский фотограф Анри Лартиг, поскольку «нет» в ответ на просьбы об интервью, съемке и прочих публичных акциях, не связанных со сценой, Максимова произносила намного чаще, чем «да». Она и сейчас не изменила этому правилу. «Интервью? — удивленно поднимает она брови, — но я уже обо всем сказала...»

Действительно, объемистый, в 340 страниц, обильно прослоенный фотографиями том охватывает период от раннего детства до нынешнего времени. Прилагается творческая биография Максимовой, составленная Еленой Фетисовой: имена, факты, даты — к чести мемуаристки, упомянуты все, кто когда-

либо сотрудничал с балериной. При этом в книге напрочь отсутствует то, чем эпатажа ради пестрят иные артистические мемуары. Никакой клубнички и рассказов о неприглядной изнанке театрального быта, а всего этого Максимова, тридцать лет проводившая в Большом театре, увидалась, вероятно, сверх всякой меры. Отсутствуют также скандальные разоблачения, патетические признания, копания в своем и чужом грязном белье. Нет, недаром ее называют самой интеллигентной балериной: в каждой строчке строгость, достоинство, уравновешенность, намеренное избегание «окончательных» оценок. Ровно, спокойно, чуть иронично обо всем и обо всех. Из глубоко личного лишь короткий, горький абзац о безуспешных попытках родить.

Книжка вышла два месяца назад и успешно продается, но презентацию в большом зале Центрального дома акте-

ра провели только сейчас. Издательство «АСТ-Пресс» совместно с ЦДА приурочило ее ко дню рождения Максимова. Директор ЦДА Маргарита Эскина открыла вечер раздачей подарков. Маме юбилярши — Татьяне Густавовне — был вручен оренбургский платок, мужу — Владимиру Васильеву — кофейная чашечка, а виновнице торжества — колокольчик. «Вы звоните, — пояснила госпожа Эскина, — и Володя несет вам кофе». На самую обожаемую русскую балерину, преданно любимую «Катюшу», обрушилась волна всенародной нежности. Милые шуточки и трогательные воспоминания длились без малого три часа. Большую часть этого времени занял конференс ведущего, давнего друга семьи Федора Чеханкова. Вопреки названию собственной книжки «Моя дырявая память», где Кате и Володе посвящена целая глава, он оказался очень памятьлив на всевозможные

сюжеты и детали. Его театральные коллеги во главе с народными артистками Ией Саввиной и Юлией Борисовой были лаконичнее, хотя и им краткость давалась с трудом. Почти у каждого также нашлась своя история «про Максимова».

Василий Лановой, внеся соответствующие моменты коррективы, облек свой восторг в пушкинские строки: «...Отечество свое я ненавижу, но я вчера Максимова увидел и примирен с отечеством моим!» — закончил эlegantный Василий Семенович под восхищенный гул. Владимир Васильев, с кем балерина отметила рубиновую свадьбу, читал собственные, посвященные жене стихи. Главный балетмейстер «Стасика» Дмитрий Брянцев вспоминал о работе над нашумевшими в 70-е годы «Галатеей» и «Старым танго». Андрис Лиэпа, с которым 52-летняя Максимова танцевала «Золушку» и выглядела едва ли не моложе 30-

летнего партнера, превзошел всех по части цветочных поношений. «Мама Катя», хрупкостью и стройностью готовая дать фору своим молодым ученицам, буквально утонула в огромном букете красных роз. Сама она появилась на сцене лишь в финале и была в привычном амплуа — ни слова о себе, только благодарности присутствующим и всем, кто принимал участие в подготовке книги.

Однако слова словами, а без танца вечер бы не удался. И танец был, и какой! С десяток видефрагментов блистательных выступлений разных лет. Кокетливая «Мазурка» Касьяна Голейзовского, где будущей красе русского балета нет и двадцати. Роскошный «Дон Кихот» середины 60-х: в нем Максимова не без успеха конкурировала с главной испанкой Москвы — Майей Плисецкой. Очаровательно-фривольная «Вальпургиева ночь» в постановке Леонида Лавровского, чуть ли не един-

ственная вакханалия, сочиненная советским балетмейстером в советский период. «Адажио» из «Спартак» с Васильевым, накаленное по страстям и безупречное по технике. После него отчетливо осознаешь: второй такой пары в нашем балете не было и нет. Шуточная кофреда, представленная Васильевым для «Травиаты» Дзефирелли. Чаплинские эскапады «Старого танго». «Тарантелла» из «Анюты», где Максимова, давно выведенная на пенсию, крутит фуэте с резвостью юной девочки. И под занавес обжигающим откровением («я всегда чувствовала, что это именно тот балет, где все — мое») — финальная сцена Татьяны и Онегина из знаменитого спектакля Джона Кранко, так и не шедшего в России. Уже этого ряда достаточно, чтобы без всякого пафоса сказать: Максимова — великая артистка, а ведь это всего лишь отдельные фрагменты ее биографии.

Русский курсор — 2004 — 2 февр. — с. 8

*Ваша мама Екатерина Сергеевна (Крутая) 65 лет.
2.02.04*